

А. Ю. Чернов
НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ПУШКИН

MON PORTRAIT

Хотите видеть мой портрет,
Написанный с натуры?..
Мой друг, примите сей куплет
Взамен миниатюры.

Сказать по правде, я не стар.
И, не кривя душою,
Не скрою, что еще школяр,
И что не глуп — не скрою.

Но мир не знал таких вралей,
Ни докторов Сорбонны,
Что неумнее моей
Назойливой персоны.

Мой рост... В нем есть один изъян...
Но я не трушу, право,
Ведь я блондин, и я румян,
И голова кудрява.

Ценю я свет и светский шум,
Бегу от всякой скуки,
От праздных ссор, от мрачных дум,
Отчасти от науки.

Люблю балы, люблю балет...
А что всего сильнее...
Могу ли намекнуть?.. О, нет,
Мне не простят в Лицее.

Не тратя времени и сил,
Собою быть стараюсь:
Каким Господь меня слепил,
Таким и притворяюсь.

Проказник сущий, сущий бес
И обезьянья рожа,
К тому ж повеса из повес —
Вот Пушкин. Что, похоже?

*А. С. Пушкин. 1814
Перевел с французского А. Ч.*

Невербальный Пушкин. Звучит странно, но ведь есть и такой. Огромный корпус рисунков поэта — это несловесные тексты. И они также нуждаются в прочтении, как стихи и проза. Около двух тысяч рисунков: портреты, пейзажи, жанровые сценки, автоиллюстрации, интерьеры. А еще кораблики, днища челноков и лодок, плахи, пистолеты, мечи, шпаги, копыя, кинжалы. Черты, пляшущие и летящие на помеле ведьмы, монстры, висельники. Падающие треугольники — ножи гильотины. А после лета 1826 года ромбы вокруг зачеркнутого слова — изображения разверстых могил.

Пушкинисты второй половины XIX века относились к рисункам поэта как к «машинальному рисованию». Но в конце века Россия отмечала столетие со дня рождения Пушкина. В альбомах, изданных к этому юбилею, стали мелькать пушкинские рисунки. Прежде всего, конечно, автопортреты и портреты ближайших друзей, те, чье сходство с оригиналами было очевидным.

Конечно, мало просто угадать, кого именно поэт нарисовал на странице в рабочей тетради или на отдельном листке. Сходство (пушкинисты убеждались в этом десятки раз!) бывает обманчивым, самые, казалось бы, крепкие атрибуты рушатся как карточные домики, если не сопоставлены с другим иконографическим материалом и не подтверждены глубоким текстологическим изучением черновика.

Новый взгляд на рисунки поэта предложил в 1930-х Абрам Эфрос, интерпретировавший их как графический дневник.

Да, иногда это дневник. Но только особый, порой ретроспективный. Вот, к примеру, поэт нарисовал себя рядом с женой. А справа профильный портрет московского почтмейстера Александра Булгакова. Тот то ли прислушивается, то ли подглядывает. Что за сюжет? Весной 1834 года Булгаков вскрыл и переслал Бенкендорфу письмо, которое поэт отправил жене. Поэт был в бешенстве. И на старом черновике письма к Каролине Собаньской (2 февраля 1830) появляются три профиля: Наталия Николаевна, Пушкин, Булгаков (т. I, вклейка XXXVII).

Пушкин «будил мечту сердечной силой», вызывая для немой беседы или тени прошлого, или образы живых своих друзей и врагов. Он разговаривал с ними. А чтобы те ему отвечали, надо было передать не просто сходство обличья, но угадать и тем вызвать графическую формулу индивидуальной натуры, формулу души твоего собеседника.

Вот 22 апреля 1834 года он сообщает жене о том, что умер Аракчеев: «...Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться». И потому на листе возникают два карандашных портрета — Аракчеева и Сперанского, черного и белого гениев, стоявших у врат царствования императора Александра (т. I, вклейка XXXIX). Это магический акт заговаривания миров — этого и того света. Но ведь и стихи — акт сугубо магический.

А вот женские портреты на одном из листов в рабочей тетради (т. I, вклейка VII) — два наброска профиля сестры, мать. Ниже еще два профиля: левый перечеркнут вертикальной чертой, а справа, судя по всему, должна быть любимая бабушка Мария Алексеевна, первая пушкинская муза, та, что пела старинные песни и рассказывала «о мертвецах, о подвигах Бовы...», научила читать и писать, но, главное, — пробудила жар поэтического воображения. Но про крепостную крестьянку Арину Родионовну знают все, а про бабушку Машу помнят немногие:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремяшкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила...

Это не о няне. Арина Родионовна очков за их ненужностью не носила: была она малограмотна, но отнюдь не стара.

Пушкиновед Нина Ивановна Грановская (она нашла в рисунках поэта портреты няни Арины Родионовны) предположила, что на хранящейся в Русском музее миниатюре «Портрет неизвестной в белом чепце» 1770-х годов (эмаль на меди, 3,5 × 3 см) изображена Мария Алексеевна Ганнибал*.

Лист с рисунками поэта подтверждает атрибуцию Н. И. Грановской. Три самых близких Пушкину женщины. Женщины его младенчества. Все вместе. И все на черновике стихотворения «Клеопатра».

А под ними профиль ребенка, возможно, автопортрет в детстве.

На других листах — лицейские друзья и друзья-декабристы: среди них Пушчин, Дельвиг и Кюхельбекер, Лунин и Трубецкой. И все пять повешенных на Кронверкском валу, в том числе юноша Михаил Бестужев-Рюмин, чей единственный образ дошел до нас лишь в виде дилетантского наброска, сделанного в Петропавловской крепости одним из следователей. Почему мы можем быть уверены, что это профиль Бестужева-Рюмина? Да потому, что на шее просматривается обрывок тщательно зачириканной удавки, а прямо под ней нарисован профиль Анны Олениной. На следствии Бестужев-Рюмин показал, что в 1819 году с Пушкиным он познакомился именно в оленинском доме на Английской набережной (т. I, вклейка LVIII–LIX).

Детство началось с бабушки Марии Алексеевы, а лицейское отрочество — с Куницына. К 25-летию первого лицейского выпуска поэт писал:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын.
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...

* См. Грановская Н. И. «Род Пушкиных мятежный...». (Из истории рода Александра Сергеевича Пушкина). СПб., 1992. С. 68. Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. СПб., 1999. С. 121. По мнению Н. И. Грановской, дама в чепце и обликом, и выражением лица напоминает известный портрет Сарры Юрьевны Пушкиной, прабабки Пушкина и матери Марии Алексеевны. Добавлю от себя: серьги с грушевидными жемчужинами, изображенные на предполагаемом портрете Марии Алексеевны, отыскались сначала на портретах Натальи Николаевны (1856) и Марии Александровны Пушкиных (1860), а потом и на фотографии фрейлины Александры Петровны Ланской (1870-е), в замужестве Араповой.

В Лицее Куницын (1783–1840) преподавал логику, юридические науки, читал курс нравственности. Пушкинист Л. А. Черейский пишет: «Куницын рассказывал в своих лекциях о равенстве всех граждан перед законом, необходимости замены абсолютизма республиканским образом правления и ликвидации крепостного права. Пушкин, по свидетельству современников, „охотнее всех других классов занимался в классе Куницына“ и о его лекциях „вспоминал всегда с восхищением“».

В черновой редакции стихотворения «19 октября» (1825) прочтем:

...Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

В 1819-м Куницын и будущий декабрист Николай Тургенев намеревались вместе с Пушкиным издавать общественно-политический журнал «Россиянин XIX века». В 1821-м за книгу «Естественное право» Куницын был исключен со службы по Министерству народного просвещения и изгнан со всех кафедр. В «Послании цензору» (1822) Пушкин протестует:

...А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилом, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом...

Полагают, что надпись Пушкина на его «Истории Пугачева» («Александру Петровичу Куницыну от автора в знак глубокого уважения и благодарности. 11 января 1835») — единственное свидетельство общения поэта и его лицейского наставника в 1830-х.

Но мы не знаем портрета Александра Петровича Куницына, человека в свое время не просто популярного, а легендарного. Почти наверняка в музейном или частном собрании хранятся холст, гравюра, рисунок или миниатюра с запечатленным обликом Куницына. Однако портрет этот (это можно гарантировать!) не подписан. А потому, как его узнаешь?

Впрочем, одна зацепка была: Куницын мелькнул на карикатуре лицеиста Олѣсенки Илличевского, изображающей царскосельских преподавателей. При всей условности шаржа образ наверняка должен был узнаваться. Значит, надо всего лишь пролистать все двадцать тысяч страниц пушкинских рукописей. Не явится ли заученный наизусть профиль?

Умозрительный этот расчет, как ни странно, оказался верен. Портрет Куницына обнаружился на черновике незаконченного пушкинского

стихотворения: «Когда владыка ассирийский / Народы казнию казнил...» (ноябрь 1835) (т. I, вклейка XV).

На пушкинском рисунке голова Александра Петровича наклонена. Вроде бы вполне предсказуемая поза преподавателя, заглядывающего в тетрадь школьника во время контрольной. Но не в ученическую тетрадку — через плечо школяра — смотрит тот, кто еще в 1802-м составил записку о необходимости отмены в России института рабства. И порукой тому радищевская слеза, побежавшая из профессорских глаз (она очень четко прорисована).

Почему именно радищевская? О чем плачет Куницын, нам расскажут строки, набросанные на этом листке. Здесь про Навуходоносора:

Ему во сретенье народы
Объяты ужасом текли
И, отрекаясь от свободы,
Позорну дань ему несли...

Рабы отрекаются от свободы... — актуальный для 1835 года мотив.

И ниже пушкинский автопортрет. Скорбный и старый. Каким поэт мог бы стать году в 1861-м.

...Еще из строк, не вошедших в окончательную редакцию «19 октября» (1825):

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брогльо, иль Данзас...

Из двадцати девяти выпускников первого лицейского курса Пушкин по успехам в науках был девятнадцатым. Оказалось, что его тетради сохранили образ и первого из первых, обошедшего даже будущего канцлера Александра Горчакова, и «последнего из последних».

С Данзасом (1800—1870), своим секундантом на последнем поединке, Пушкин вновь встретился в Кишиневе, в 1821-м. Там и был сделан карандашный портрет поручика пионерного батальона Константина Карловича Данзаса (т. I, вклейка XXV).

Большой, косолапый, рыжий, он словно бы поклялся оправдать лицейское свое прозвище — Медведь.

Декабрист Н. И. Лорер вспоминал: «Подобной храбрости и хладнокровия, каким обладал Данзас, мне не случалось встречать в людях, несмотря на мою долговременную военную службу... Бывало, с своей подвязанной рукой стоит он на возвышении, открытый граду пуль, которые, как шмели, жужжат и прыгают возле него, а он говорит остроты, сыплет каламбуры... Ему кто-то заметил, что напрасно стоит на самом опасном месте, а он отвечал: „Я сам это вижу, но лень сойти...“»

Его портрет появляется на карандашном черновике недописанных стихов (вторая половина октября 1823):

Бывало в сладком ослепленьи
Я верил избранным душам,

Я мнил — их тайное рожденье
Угодно властным небесам...

К «избранным душам», будущим декабристам, на которые, как казалось по юности, указывало народное (так в черновике) мнение, Данзас не относился. Но в 1823-м Пушкин разочаровался в «избранных». И противопоставил им лицейского друга.

Через тринадцать лет умирающий поэт обратится к близким: «Простите за Данзаса. Он мне брат». За участие в поединке военный суд приговорил подполковника Данзаса к повешенью, но казнь заменили двухмесячной отсидкой в Петропавловской крепости.

В те дни Софья Николаевна Карамзина писала брату Андрею: «Как трогателен секундант Пушкина, его друг и лицейский товарищ полковник (даме простительно не различать воинских званий. — А. Ч.) Данзас, прозванный в армии „Храбрым Данзасом“, сам раненный, с рукой на перевязи, с мокрым от слез лицом, он говорил о Пушкине с чисто женской нежностью, нисколько не думая об ожидающем его наказании, и благословлял государя за данное ему милостивое позволение не покидать друга в последние минуты его жизни и его несчастную жену в первые дни ее несказанного горя».

...В той же тетради на обороте 18-го листа (черновик поэмы «Братья разбойники», 1821 или 1822 год) над строкой «Нас было двое: брат и я...» возникает портрет Владимира Вольховского (1798—1841) (т. I, вклейка XXV)

В Лицее он был самым слабым физически, а потому подражал Суворову, много занимался гимнастикой и вечно таскал на плечах два тома тяжеленного словаря. Его прозвища: «Спартанец», «Sapientia» (мудрость), «Суворов» или «Суворочка».

Участник декабристских организаций, он избежал крепости и каторги, и на Кавказе стал покровителем сосланных в солдаты вольнодумцев. Тех, кто не пожелал «отречься от свободы». Но за личную свободу заплатил причастностью к завоеванию Кавказа.

Связь между явившимися в одной тетради первым и последним лицом первого выпуска, это обращенное к обоим самое высокое из всех пушкинских слов — «брат». Ведь по Пушкину братство — норма человеческого общежития.

...В том же «19 октября» о первой братской смерти, о скончавшемся в Италии от чахотки Николае Александровиче Корсакове (1800—1820), поэте, скрипаче, гитаристе и композиторе. Он не раз превращал стихи Пушкина в романсы. После лица Корсаков, как и Пушкин, был определен в Коллегию иностранных дел, а в 1819 году причислен к римской миссии и отъехал во Флоренцию.

...Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем очей, с гитарой сладкогласной:
Под лаврами Италии прекрасной
Он мирно спит — и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Пушкин не угадал. Директор лицея Егор Антонович Энгельгардт расказывал о кончине Корсакова: «...За час до смерти он сочинил следующую надпись для своего памятника, и когда ему сказали, что во Флоренции не сумеют вырезать русские буквы, он сам начертал ее крупными буквами и велел скопировать ее на камень».

Вот этот текст:

Прохожий, поспеши к стране родной своей!
Ах, грустно умирать далёко от друзей!

Биографы отмечают, что все личные бумаги Корсакова бесследно утеряны. Портрет Корсакова нашелся на черновиках «Бахчисарайского фонтана» в той же 832-й («второй кишиневской» на жаргоне пушкинистов) тетради между портретами Данзаса и Вольховского (т. I, вклейка XXV).

Кого еще из лицейцев мы знаем по пушкинским рисункам? Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Горчакова, Матюшкина, Корфа, Бакунина.

Итак, 10 из 29. Вместе с автопортретами 11. Но что-то не верится, что он не нарисовал Комовского, Малиновского, Ломоносова, Мясоедова, Илличевского... И павшего за свободу Греции в начале 1820-х Сильверия Броглио... (Поклон от Сильвио из повестей Белкина!)

Конечно, из корпуса пушкинских рукописей до нас дошло далеко не всё. Но всё же давайте искать дальше.

«...Мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке», — так, подхватив слова Блока о «вселом имени Пушкина», в феврале 1921 года сформулировал Ходасевич.

Владислав Ходасевич хотел написать биографию Пушкина. Не смог. Не посмел.

Два века Россия мучительно ищет «свой путь». Это означает, что для глобальных обобщений в области пушкинистики время пока не наступило.

Научная биография Пушкина не написана. Вместо нее в распоряжении неленивых и любопытных читателей только пятитомная «Летопись жизни и творчества...». Первый том составлен более полувека назад М. А. Цявловским, прочие — нашей современницей Н. А. Тарховой.

И все же наше знание о Пушкине пока лишь фрагментарно.

Попытаюсь подтвердить это, обратившись к еще одной странице из рукописного пушкинского наследия.

Это отдельный лист, разрисованный поэтом в Михайловском в конце июля или в августе 1826 года. Рукой тригорского соседа и пушкинского приятеля Алексея Вульфа подписано: «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декб. 825 года» (т. I, вклейка XLVIII—XLIX).

Однако черно-белые, сильно уменьшенные публикации дают весьма отдаленное представление об этом листе. А перед нами даже не лист, а огромный (в портфель не влезет) конверт, на одной стороне которого и находятся рисунки. Конверт был столь велик, что его сложили вчетверо, и от этого больше всего пострадал пушкинский автопортрет.

Пушкинисты узнали половину из двух дюжин портретов: четыре профиля не вышедшего на Сенатскую площадь «диктатора» восстания Сергея Трубецкого (человек с длинным носом, напоминающий профиль борзой собаки), Сергея Муравьева-Апостола (с петлей на шее, которую

разглядела саратовская исследовательница Любовь Краваль), «первого декабриста» Владимира Раевского, Кондратия Рылеева в черном платке на шее (14 декабря он был болен), Александра Раевского (предположительно; похож на Грибоедова, но не Грибоедов), Веры Вяземской (оказалась Амалией Ризнич!), Ивана Пущина, Екатерины Орловой. И даже Наполеона.

Неузнанным остался драматург князь Александр Шаховской, которого приняли за Мирабо (портрет Мирабо здесь тоже присутствует: он изображен внутри портрета Шаховского).

Тут и редкий для графики Пушкина его автопортрет: не в профиль, как обычно, а в три четверти. В эти дни Пушкин еще не знал, как сложится его собственная судьба. «Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных», — писал он в письме Жуковскому в конце января. Ирина Сурат предположила, что автопортрет размазан другим концом пера. Впрочем, скорей, это или лампадное масло (им забрызганы многие пушкинские страницы), или пролитый чай.

На этом же листе над профилем Ивана Пущина нас ждет сюрприз: набросок строки «Моя душа тобой полна...» — неизвестный пушкинский стих, написанный бисерным почерком в центре листа над профилем Пущина. В измененном виде строка войдет в стихотворение «На холмах Грузии...»: «Душа моя полна тобою...».

Только тут, на конверте, другая строка, с совсем иной интонацией. Это то, что в стиховедении называется моностихом, или одностишием (жанр, опошленный ныне записными юмористами). И относится он не к женщине, а к осужденному на каторжные работы лицейскому собрату.

Этот стих пушкинисты старших поколений просто не заметили. Впрочем, профессия есть профессия: в Пушкинском Доме выяснилось, что хранитель рукописей поэта Татьяна Краснобородько тоже разглядела эту строку и зафиксировала ее как самостоятельную запись. Уточним: это не просто запись, а стихотворная строка.

13 декабря 1826 года в Москве освобожденный из ссылки Пушкин напишет, а потом с Александрой Муравьевой, женой декабриста Никиты Муравьева перешлет в Сибирь послание к Ивану Пущину. То самое, хрестоматийное:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
 И я судьбу благословил,
 Когда мой двор уединенный,
 Печальным снегом занесенный,
 Твой колокольчик огласил.
 Молю святое провиденье:
 Да голос мой душе твоей
 Дарует то же утешенье,
 Да озарит он заточенье
 Лучом лицейских ясных дней!

«И я судьбу благословил...» (с ударением не на «судьбу», а на «я») — видимо, эхо слов самого Пущина, брошенных при его приезде в Михайловское

к ссыльному поэту в Татьянин день 1825 года то ли при встрече, то ли уже при прощании. (Что-то вроде: «Пушкин, я должен благословить судьбу за этот подарок!»)

Строка «Моя душа тобой полна...» в эти стихи не вошла. А значит, перед нами новое пушкинское стихотворение в одну строку. Подпись к портрету друга-каторжника.

Почему эта строка посвящена именно Пушкину?

Во-первых, она прямо над головой пушкинского друга. Во-вторых, обратим внимание на размер почерка. Столь мелких букв (пушкинисты их даже не увидели) Пушкин никогда не рассыпал в своих черновиках. Это тайная помета. Помета для себя. Третий аргумент — то, что стихотворение Пушкину через три или четыре месяца все же было написано, хоть и не с этой строкой (она переплавилась в строчку «Да голос мой душе твоей...»). Четвертый, то, что слева еще три наброска пушкинского профиля (причем Пушкин на них разновозрастный!). Вот именно, что «душа полна». Наконец, пятый: в 1817-м Пушкин написал стихотворение «В альбом Пушкину», где есть строка «Печали, радости, мечты души твоей...» Ее-то он и переворачивает. Там «души твоей», здесь «Моя душа тобой...»

Так поэты устроены, так устроен Пушкин: аукается с друзьями, аукается со своими стихами, к ним обращенными. Вот и в 1815-м стихотворение «К Пушкину» тоже начинает с души. Со своей души:

Любезный именинник,
О Пушкин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой...

Открытая душа поэта — залог эстетической вменяемости читателя. Третий век Россия дышит Пушкиным, а поэты аукаются его именем.

Пушкин оставил нам графическую галерею своих современников. Узнавать их — дело медленное. Длится тот долгострой уже полтора столетия. И в ближайшие два-три века завершения этой постройки не ожидается.

* * *

Я начал эти заметки с перевода лицейских французских стихов поэта. В каталоге портретных рисунков Пушкина собрано около ста автопортретов поэта, атрибуированных разными исследователями в разное время. Часть из них, по моему мнению, к автопортретам не относится. В одних случаях это портреты сестры поэта, портрет арапчонка, Вольтера, вообразимые портреты Абрама Ганнибала. В других — неизвестные нам лица, принятые за автопортреты. За вычетом их в автопортретной галерее поэта остаются семь десятков законченных рисунков и набросков к ним.

Но есть, без сомнения, один неузнанный по причине плохого воспроизведения карандашный автопортрет (т. I, вклейка XXXIII). Этот автопортрет во фригийском колпаке, сделанный в 1824 году на черновике «Послания к Льву Пушкину» («Что же? будет ли вино?..»). Стихи написаны в михайловской ссылке.

В черновике есть набросок: «В бурной юности моей, / Очарованный Вольтером...» Фригийский колпак на автопортрете и упомянутое в этих стихах шипучее французское вино «Аи» — символы революции.

* * *

33 года назад (дистанция фольклорная) я впервые увидел пушкинские рисунки не в черно-белом замыленном воспроизведении, а живую. Было это в комнате-сейфе лукиниевской петербургской таможни, переоборудованной под хранилище рукописей поэта. И, воспользуемся клише, чтобы пригасить эмоции, навсегда ими заболел. После мне не раз доводилось держать в руках пушкинские рабочие тетради и извлекать из бумажных папок отдельные листы с его рисунками, но той, первой встречи, никогда не забуду. Как не забуду удивленного, по-мальчишески взволнованного лица моего тогдашнего спутника Валентина Дмитриевича Берестова, и сердечно-строгого вида любезно принявшей нас (с улицы, безо всяких рекомендаций и разрешительных писем) хранительницы рукописного наследия поэта Риммы Ефремовны Терехиной. А четверть века назад на стрелке Васильевского острова, в комнате-сейфе бывшей петербургской таможни, где тогда хранился весь рукописный Пушкин, для публикации в перестроечном «Огоньке» мне разрешили сделать серию цветных снимков. Это был едва ли не первый опыт воспроизведения пушкинских черновики в цвете. Впрочем, удачным назвать его не решусь: уровень полиграфических возможностей издательства «Правда» колебался между пещерным и допотопным. Тогда, в конце восьмидесятых, еще не было факсимильного издания восемнадцати рабочих тетрадей поэта, не были воспроизведены ни Ушаковский альбом с пушкинскими рисунками, ни болдинские рукописи (до последних дело дойдет и вовсе в новом уже тысячелетье). И пушкинист Рэдмона Жуйкова еще только раскладывала свой пушкинский пасьянс — составляла каталог портретов, выполненных рукой поэта.

Казалось бы, Пушкин изучен вдоль и поперек. В XX веке вышло семнадцатитомное академическое Полное собрание сочинений. Сегодня Пушкинский Дом (Институт русской литературы РАН) начал выпуск второго академического собрания, в котором будет довольно много весьма существенных текстологических уточнений. Еще в 1990-х с помощью принца Чарльза факсимильно изданы рабочие тетради поэта. Качество издания таково, что при сканировании с него типографский растр не просматривается и при многократном увеличении.

Правда, тетради — это лишь часть рукописного наследия поэта, и не каждый пушкинист может приехать в рукописный отдел Пушкинского Дома, чтобы ознакомиться — нет, не с оригиналами (по понятным причинам доступ к ним — дело исключительное), а с черно-белыми фотографиями.

Дистанции в 170 лет оказалось явно недостаточно, чтобы отойти на должное расстояние и увидеть всю пушкинскую жизнь сразу. Поэт стал мифом русской культуры. И чем крепче миф укореняется (особенно это видно на юбилеях поэта — вспомним хотя бы стыдное лето 1999 года),

тем труднее и научное, и художественное, и культурологическое освоение пушкинского материала.

Покуда все рукописное наследие поэта не оцифровано, пушкинисты вынуждены работать с замысленными, сомнительной резкости черно-белыми фотографиями рукописей, сделанными еще в середине прошлого столетия. Один их комплект хранится в Петербурге, в Пушкинском Доме, другой в Пушкинском музее в Москве. Ну а посетители Мойки, 12 довольствуются муляжами рукописей, на которых фотоспособом воспроизведено туманное нечто, отдаленно напоминающее лист пушкинского черновика.

Рисунки не всегда легко датировать, ведь поэт в разные годы мог возвратиться к старой тетради или отдельному листку, и нарисовать поверх старого черновика. Еще трудней бывает определить, кого именно из знакомых он нарисовал: мы ведь знаем этих людей только по портретам, выполненным другими художниками. И у одного рисунка рукой Пушкина может быть две (а то и полдюжины!) атрибуций. В этом издании я старался избегать тех случаев, относительно которых у меня были сомнения. Значит ли это, что все атрибуции верны? Разумеется, нет. Наверняка что-то будет отвергнуто временем, что-то уточнено.

Фундаментальное исследование Р. Г. Жуйковой «Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций» (СПб., 1996), к которому я постоянно обращался, сегодня существует уже и в сети:

Спасибо и Рэдмоне Георгиевне Жуйковой, и мюнхенскому библиотекарю Андрею Никитину-Перенскому: он отсканировал и распознал текст каталога, переведя его в оцифрованный вид*.

Сердечно благодарю сотрудников рукописного отдела Пушкинского Дома Татьяну Царькову, Татьяну Краснобородько и Александра Дубровского за многолетнюю помощь в моей работе, а также сотрудников отдела пушкиноведения Марию Виролайнен и Сергея Фомичева. Спасибо пушкинодомцу Сергею Лунцу, сотруднице Русского музея Елене Столбовой и директору Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина в поселке Большие Вязёмы и селе Захарове Александру Рязанову за помощь в подборе параллельных иллюстраций, исследователям Инге Кулешовой и Александру Чернову за обоснование атрибуции портрета М. А. Ганнибал.

* См. сайт библиотеки «ImWerden»: www.imwerden.de/publ-5530.html